

A medieval manuscript illustration depicting a scene from a romance. A knight in a blue surcoat and red hose holds a sword upright. A lady in a yellow and red gown kneels before him, offering a bouquet of red flowers. In the background, other figures in period dress are visible. The entire scene is framed by a decorative border with a repeating geometric pattern.

Книга

прекрасных
О дамах
и благородных
рыцарях

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Милла Коскинен
Книга о прекрасных дамах
и благородных рыцарях
Серия «Как жили
женщины разных эпох»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8709292

Милла Коскинен. Книга о прекрасных дамах и благородных рыцарях:

Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-906817-81-5, 978-5-4438-0865-9

Аннотация

Книга «О прекрасных дамах и благородных рыцарях» расскажет, насколько английская леди была свободна в своем выборе, о том, из чего складывались ее повседневная жизнь и обязанности. Вы погрузитесь в атмосферу средневековых английских городов и замков, узнаете многого о женщинах, чьи имена хорошо известны по историческим романам и их экранизациям. Вас ждет множество историй, порой драматических, порой трагических, и часто – прекрасных, полных неожиданных поворотов судьбы и невероятных приключений. Вы убедитесь, что настоящие истории могут быть намного драматичнее фантазий Шекспира и Вальтера Скотта,

которые жили и писали уже в совсем другие эпохи и чье видение женщины и ее роли в обществе было ограничено современной им моралью.

Содержание

Вступление	6
Глава первая. Жизнь за стенами «хрустальной башни»	11
О средневековом английском городе	11
О средневековых английских замках	22
О том, что прекрасной даме иногда приходилось быть и храбрым рыцарем	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Милла Коскинен

Книга о прекрасных дамах и благородных рыцарях

© М. Коскинен

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Вступление

Прежде чем приступить к рассказам о судьбах женщин из аристократических и дворянских семей средневековой Англии, есть смысл представить себе масштабы тех пространств, на которых эта жизнь проходила. Восприятие человека устроено так, что мы подсознательно переносим привычные для нас представления на совсем другие эпохи и уклады жизни. В какой-то степени это правильно. Несмотря на то, что исторические декорации вокруг нас постоянно меняются, человеческая натура остается более или менее неизменной. Она адаптируется под требования окружающего социума, конечно, но базовые моменты сохраняются. С другой стороны, мы живем в перенаселенном, глобализированном мире, который требует от нас определенного восприятия и менталитета, подогнанного к окружающей реальности. Реальность английского Средневековья была совсем другой, и это следует учитывать, теоретизируя по поводу «женского вопроса» в Средние века.

Для начала, Средневековье – это невероятно долгий период длиной во множество столетий: раннее Средневековье (500—1000 гг.), среднее (1000—1300 гг.) и позднее (1300—1500 гг.). Во-вторых, большое значение имеет исторический контекст условий жизни и событий изучаемого периода. В-третьих, совершенно невозможно делать какие-то выводы о

европейской средневековой женщине, не принимая во внимание «женский вопрос» и способы его решения в сопредельных Европе странах и не учитывая огромной разницы в решении этого пресловутого вопроса в разных областях самой Европы.

Человек, впадающий в ужас от историй о поясах верности, права сеньора на первую ночь и прочих популярных страшилок, должен четко себе представлять, кем, когда, и, главное, с какой целью они сочинялись. Это же касается и сахарных историй о рыцарях и девах. Необходимо понимать и средневековое значение так называемого женоненавистничества, и его аналоги в современном нам обществе. Известное противостояние полов было, есть и будет, но составлять представление о реальной средневековой жизни на основании, скажем, «Пятнадцати радостей брака» так же нелепо, как верить всему, что написано в «Космополитене».

Обобщение же понятия «Средневековье», растянутое на всю Европу от Швеции до Испании, вообще не имеет смысла. В качестве примера можно взять такой важный для женщины момент, как ее замужество. К поздним Средним векам, если не раньше, Европа четко разделилась в плане замужеств на два региона: на севере и западе женщины, не принадлежащие к аристократии, выходили замуж позже и за мужчин более или менее своего возраста. К тому же, некоторое количество женщин не выходили замуж, не становясь при этом монахинями. На юге и востоке девушки выходили

замуж рано, как правило, за мужчин вдвое старше, а незамужние уходили в монастыри.

Какого-то единогласия по женскому вопросу среди историков не существует, поэтому любой интересующийся этой проблемой найдет массу аргументов в пользу именно своей точки зрения. Историк Клапиш-Зубер возмущается положением женщин в средневековой Италии, где среднестатистическая девушка к 18 годам была уже матерью двоих детей и замужем за человеком вдвое старше себя. Клапиш-Зубер считает, что эти бедняжки проводили лучшие годы в подчинении старым мужьям, и, овдовев, оказывались в невыносимых обстоятельствах. Историки же Стэнли Чознацки, Елена Розенберг, Томас Кун и другие возражают, утверждая, что при таком подходе к делу совершенно не учитывается инициативность и способность к социальным маневрам женщин, для которых эти условия были естественными во многих поколениях. Не лучше обстоит дело и в северном регионе: здесь мечи скрестили Марианна Ковалевская и Джереми Голдберг. К счастью, явным трендом последних лет являются достаточно нейтральные по тону общие обзоры типа книги Генриетты Лейзер «Средневековая женщина. Социальная история женщин в Англии 450—1500». Если в этих обзорах и есть недостаток, так это сложная для неспециалиста необходимость знания базового материала, на котором они составлены. А этот базовый материал – все те же Пауэр, Голдберг, Ковалевская, Клапиш-Зубер, Беннет плюс

километры исторических исследований, над анализом которых они работали.

В погоне за поисками доказательств своей правоты могут случиться и откровенные ляпы. Если составлять представление о жизни средневековой англичанки, изучая только документы по сбору налогов, листы гильдий и реестры недвижимости, то можно легко создать в своем воображении некий архетип эмансипированной средневековой женщины. И не обратить внимания на то, что документы говорят конкретно о «вдовах», а не о «женщинах» в целом. А вдовы были совершенно отдельной группой населения в плане прав и обязанностей перед короной. Можно ужасаться аристократическим детским бракам и оставить без объяснений, что они из себя представляли на самом деле. Можно даже воспользоваться разногласиями относительно даты рождения, чтобы создать пример трогательной в своей трагичности девочки-роженницы, как это случилось во многих биографиях родоначальницы династии Тюдоров, леди Маргарет Бьюфорт. Самые же любопытные результаты можно получить, резво перескакивая через столетия и надергивая подходящие к случаю факты, не принимая во внимание изменения, которые произошли в обществе. Невозможно сравнивать положение женщины в средневековой Англии пост-чумных времен и в средневековой Англии конца пятнадцатого века, когда экономические и социальные реалии абсолютно изменились.

Были, правда, общие моменты в жизни средневековых ан-

глийских женщин независимо от того, к какому социальному слою они принадлежали и какой век стоял на дворе. Аристократки не заседали в парламенте (те, кто имели на это право, посылали от себя представителей), горожанки не становились мэрами, а крестьянки – бейлифами. И феодальная, и королевская, и городская, и помещичья правовые системы ограничивали имущественные права замужних женщин, давая куда большую свободу женщинам одиноким и вдовам и большую свободу мужчинам, чем женщинам. Социальные обычаи определяли всем женам, от крестьянки до аристократки, роль помощницы мужа и безупречное поведение. Экономически жизнь была построена таким образом, что от жены требовалось умение управлять хозяйством. Особенности феодального быта исключали для женщины возможность только одной «опции» – быть просто «драгоценным камнем в короне» своего мужа.

Глава первая. Жизнь за стенами «хрустальной башни»

О средневековом английском городе

Совсем незадолго до завоевания Англии норманнами третьим по величине городом там был Норич, целых 1300 дворов. Самым большим городом на северо-западе был Честер, где этих дворов было 500. Инвентаризационная опись завоеванного хозяйства, которую хозяйственные норманны составили в 1085–1086 годах под драматическим именем «Судная книга» (Domesday Book), называет большими городами Экзетер, Уорик и Кентерберги, в каждом из которых было около 250 дворов.

Через двести лет Кембридж разросся до 550 дворов, а Ливерпуль и Манчестер только-только дотянули до размеров в 150 дворов. В начале пятнадцатого столетия на всю Англию было всего пять городов, чьего населения хватило больше, чем на тысячу дворов: Лондон, Норич, Йорк, Бристоль и Ковентри.

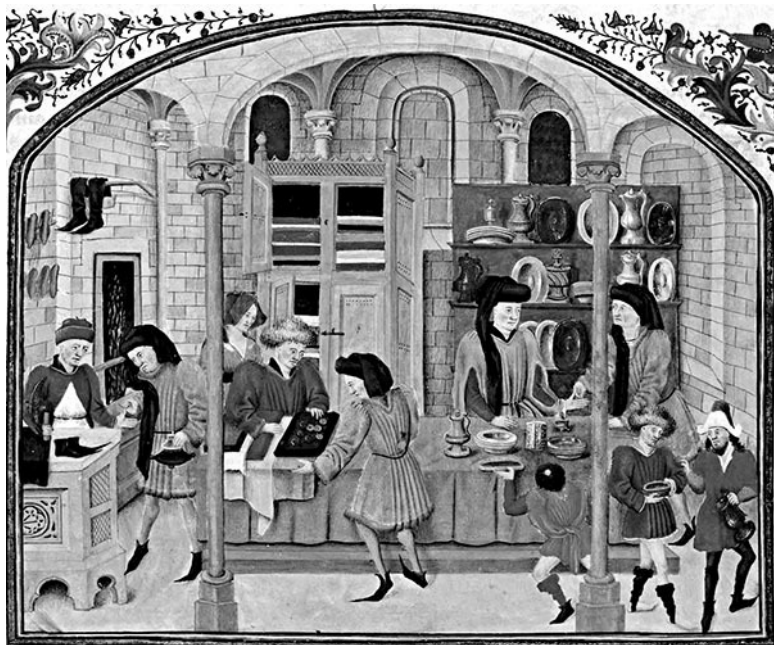
Средневековый Лондон величиной был едва в половину средневекового Парижа и едва достигал по размеру трети Милана и Венеции, но его, тем не менее, горожане гордо

именовали «цветком среди других городов». Цветок или нет, но все познается в сравнении. Для визитера из затерявшейся в лесах деревушки и такой Лондон был удручающе огромен. Да что там, даже большинство лондонцев вполне обходились обитанием в родном районе города, не заглядывая за знакомые с младенчества пределы.

Главной отличительной чертой средневековых городов и городишек от окружающих деревень было то, что в них были сосредоточены органы управления, учебные заведения, религиозные центры – и рынки, значение которых для сельскохозяйственных районов невозможно переоценить. Города ежедневно открывали ворота толпам крестьян, пилигримов, купцов, путешественников. В Лондон и Вестминстер стекались придворные с эскортами, в Оксфорд – студенты, в каждый город и деревню со своей рыночной площадью – торговцы. О том, в каких масштабах все это было, говорят записи Йорка, где в конце четырнадцатого века, при населении в 8 000 человек (оно уменьшилось до таких размеров, почти вдвое, во время Черной Смерти), было 1035 кроватей для приезжих и стойла на 1711 лошадей.

Следующим моментом была большая плотность городского населения. Это не могло не приводить постепенно города к тому уровню антисанитарии, который хорошо известен по временам Индустриальной революции. Наверняка соответствующим был и уровень преступности. Точных данных, которые складываются из изучения документов и при-

ватных писем людей, о том времени практически нет, поэтому все, что можно сказать о Средневековье, должно мысленно нести предположительную форму: «возможно». Хотя с тех времен сохранилось много официальных документов, о том, как в действительности жили люди, мы можем судить только из немногих сохранившихся переписок семейств Пастонов, Сели и Стоноров. Этого явно недостаточно для того, чтобы составить абсолютно точную картину о том, каким же было настоящее английское Средневековье.

Средневековый рынок. Миниатюра XV века

Поскольку молодежь начинала свою рабочую карьеру в городах, откладывая обзаведение семейством на несколько лет, можно предположить, что демографическое развитие в городах отмечалось превалированием смертности над рождаемостью, в связи с чем приток в города нового населения в рабочем возрасте был первостепенной необходимостью. Необходимо также помнить, что периодические эпидемии бубонной чумы вспыхивали то здесь, то там, и, как писал Ричард Сели в 1479 году, многие лондонские горожане эмигрировали из города прочь. Ограниченность пространства в больших городах приводила к тому, что семьи занятых в административной работе аристократов и джентри жили в некотором отдалении от глав семейств, что накладывало свой отпечаток на отношения между супругами и требования к хозяйке.

Среди самих городов существовали различия, как минимум, экономические и, соответственно, управленческие, которые не могли не оказывать влияния на социальные условия жизни горожан. К 1400 году большая часть крупных городов получила, в известной степени, права самоуправления, что подразумевало наличие там прослойки буржуазии, или «свободных горожан», которые выбирали своих представителей в органы управления. Помимо этого, были города, которые управлялись непосредственно королем. Другие – скорее лор-

дом, нежели королем. Салсбери и Беверли управлялись епископами. Сент-Олбанс и Бери-Сент-Эдмундс управлялись аббатами. В Линкольне, Нориче и Йорке вообще часть города управлялась органами самоуправления, а часть – приорами.

Разумеется, при каждой форме самоуправления была собственная юрисдикция. Поэтому известны случаи, когда горожане просто переезжали в другую часть города со всем хозяйством, если ситуация их к тому вынуждала. Например, в Йорке один олдермен в 1470-х переехал на территорию юрисдикции доминиканского приората, чтобы избежать притеснений конкурента, давящего на него условиями городской юрисдикции. В другом случае подмастерья одной из гильдий того же Йорка собирались на свои вечеринки в части города, находящейся под юрисдикцией приората, где их мастера не имели над ними никакой власти. Удобно, хотя выглядит, на первый взгляд, обескураживающе бестолковым.

Историк Сильвия Трапп рассчитала, что многие горожане XV века были иммигрантами в первом или втором поколении: они либо переезжали в город из окрестных деревень, или эмигрировали из других стран. Например, сравнивая списки торговцев и олдерменов 1377–1437 годов, она пришла к выводу, что их число не могло поддерживаться на существующем уровне только за счет естественного замещения. В Ромни сохранились более подробные списки всех сво-

бодных горожан, из которых видно, что около половины из них родились в городе и в радиусе пяти миль от города, одна четверть – на расстоянии пятидесяти миль, и остальные были выходцами из различных мест восточного Кента. Исследования по фамилиям дают понять, что половина всех мигрантов в Йорк и Норич приехали из мест в радиусе двадцати миль от городов, а в Лондон – в радиусе сорока миль.

Довольно обычным для английских городов XV века был приток иностранцев, особенно для Лондона. Итальянские и ганзейские купцы, ремесленники, прислуга... В 1441 году в Лондоне, Вестминстере и прилегающих к ним районов жили 2200 иностранцев (не включены замужние женщины), по большей части голландцы и немцы. В Винчестере иностранцы составляли в 1440 году 3 % всего населения города. Большая часть приезжих быстро ассимилировались с местным населением через браки, да и приезжали, по большей части, те, кто уже имел родственников или хороших знакомых в Англии.

Прирост городского населения в начале пятнадцатого века и резкое его снижение к середине того же века служат до сих пор предметом самых горячих дебатов среди историков. Например, население Колчестера составляло в пост-чумном 1350 всего три тысячи человек, в 1414 – восемь тысяч человек, и к концу века – на треть меньше. В Ковентри в 1430-х были зарегистрированы около десяти тысяч человек, но в конце века – только пять тысяч семьсот. Джереми Голдберг

объясняет это тем, что спрос на рабочую силу в городах в начале века привлек туда многих женщин, а последующая экономическая депрессия заставила их вернуться, так сказать, в лоно семей. В связи с чем, кстати, снизился возраст вступления в брак среди женщин низших классов.

Основной ячейкой средневекового города XV века была семейная единица, то есть люди, живущие в одном хозяйстве (том самом условно-расчетном «дворе»), в котором число людей варьировалось от одиночек и семей до своего рода коммун, состоящих из членов семьи, подмастерьев, квартирантов и прислуги, живущей в доме. В Ковентри величина такой семейной единицы на конец пятнадцатого века была 7,4 среди торговцев, 2,6 среди простых горожан и 1,8 среди бедняков. Глава такой ячейки, обычно мужчина (или вдова, или одинокая женщина), отвечали перед соседями за поведение людей, живших под их крышей. Патриархатом это не было. И в пятнадцатом веке хозяйство не всегда наследовал старший сын, очень часто оно делилось поровну между братьями и сестрами. Все, собственно, зависело от воли завещающего, в рамках закона, разумеется (вдова и дети все равно получали свою долю, даже если хозяин делал завешание не в их пользу).

Рост городов сильно ограничивался городскими стенами. Был сделан архитектурный анализ городского строительства пятнадцатого века: жилые дома строились под прямым углом к улице, чтобы экономить площадь, а лавки и мастер-

ские – вдоль. Если в четырнадцатом веке большинство строений имели два этажа, то в пятнадцатом – уже три. На практике это означает, что население начало жить более скученно. Не везде, конечно. Колчестер и Дарем мало отличались от окружавших их деревень, дома там были маленькие, крытые соломой и одноэтажные.

Всего в Англии пятнадцатого века было около 600 городов, жители которых назвались горожанами, в отличие от обитателей крупных городов, именуемых гражданами. Собственно классовое разделение происходило по признаку достатка, то есть, с точки зрения города, по размеру налогов, выплачиваемых жителями в городскую казну. Свою роль играли также происхождение и респектабельность. В некоторых городах у владельцев пабов не было ни малейшего шанса занять выборную должность, их профессия не считалась достаточно респектабельной для этого.

Население средневекового Лондона на переломе XIV–XV веков колебалось от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, так что плотность населения нетрудно себе вообразить. Дома в Лондоне четырнадцатого века делились на три категории. Самые богатые строились вдоль улицы (занимая 30–40 футов), имели множество магазинов и помещений под аренду. В их внутренних дворах располагался еще один большой торговый холл и несколько помещений под аренду.

Более скромные дома строились в форме буквы L, с холлом, располагающимся под прямым углом к улице. В осталь-

ном они были подобны своим богатым соседям. Самые маленькие состояли из одного торгового помещения, с комнатой позади него и с кухней во внутреннем дворе, если таковой имелся.

О застройке Лондона есть много документов. В 1384 году, например, был дан подряд на застройку района возле Темзы с условием, что подрядчик построит несколько домов в три этажа, высотой в 7 футов, и размерами отдельных помещений 12 на 10 футов. За фасадной стороной улицы должен был быть построен холл размерами 40 x 23 фута, отдельный кабинет, кухня и кладовая. Эти дома должны были строиться из дуба и иметь подвалы глубиной в 12 футов. Пространство между деревянными панелями заполнялось раствором с соломой и ивняком. Надо сказать, что в маленьких английских городках еще сохранились в некотором количестве дома, построенные по этому принципу – они практически вечные. Фасад мог быть выложен, для пущей представительности, камнем. К пятнадцатому веку началось строительство из кирпича.

Неосторожное обращение с огнем, нарушения общественного порядка, замусоривание улиц и вообще характер горожан вынудили мэра Лондона еще в 1187 году издать указ, что стены между соседними жилыми помещениями должны иметь три фута толщины и достигать до конька крыши. Ниши в этих стенах, используемые как своего рода продуктовые шкафы, не могли быть глубже, чем в один

фут. Крыши должны были быть шиферными, каменными или кирпичными. Устройство отхожих мест, расположение окон так, чтобы вид из них не открывался на частную территорию соседа, стоки для грязной воды тоже регулировались законом. Лестницы на разные уровни строились с внешней стороны домов. Город регулировал длину, на которую можно было выдвигать вывески в сторону улицы (семь футов); площадь, на которой можно было выкладывать товар перед лавками (два с половиной фута); высоту, на которой можно было делать «дополнительный» этаж, который тоже выдавался в сторону улицы, потому как ввысь строить запрещалось (девять футов достаточно, чтобы под выступающей частью мог проехать всадник).

Сохранилось сравнительное описание одного дома, находящегося около речной таможни, во времена короля Ричарда Второго (четырнадцатый век) и на век позже. Похоже на то, что это был как раз один из тех самых домов, о подряде на которые упомянуто выше.

В четырнадцатом веке дом имел три этажа – двенадцать, десять и семь футов соответственно. На всю площадь дома, сорок на двадцать четыре фута, под ним находился подвал высотой в семь футов. Из холла через заднюю дверь был выход в крытый внутренний двор или общую комнату, как угодно. Там же находились кухня и кладовая. В пятнадцатом веке в дом можно было попасть уже только через ворота, сразу направо от которых располагался целый кухонный

блок: малая кухня и угольный подвал, кладовая для вин и эля, кладовая с вентиляцией для хранения солонины, рыбы и овощей, чулан для хранения хлеба и выпечки и большая кухня с несколькими кладовыми. Внутренний двор был перестроен так, что в ту сторону добавились две спальни, часовня, кабинет и уборная. Общая комната и место для променада были перенесены на западную стену, чтобы поймать туда как можно больше послеобеденного солнца. И был достроен чердак, где были кладовые и комнатки для прислуги. Такие вот метаморфозы.

О средневековых английских замках

Надо сказать, что настоящих средневековых замков в Англии сохранилось немного, хотя в свое время настроили их предостаточно. По регистрационной описи, Domesday Book, к 1086 году были построены 49 замков, и еще 35 были построены до 1100 года. Большинство из них было уничтожено по приказу Оливера Кромвеля в ходе гражданской войны 1640-х годов. Никто с уверенностью не может сказать, был этот человек просто безумен, или он был безумным фанатиком, но в результате наши знания о том, как были действительно устроены и функционировали средневековые замки, не являются полными.

Тем не менее, кое-что сохранилось, хотя и в перестроенном виде. За историей того же Уорик Кастл стоят жизни поколений рыцарей – и жизни тех, кто связал с этими рыцарями свои судьбы. В стенах этого замка – 950 лет истории, загадок, драм, трагедий.

Правдивая история Уорик Кастл

Первым его владельцем был сам Вильгельм Завоеватель, который и начал строительство укреплений. Потом замок перешел к его сыну Вильгельму Руфусу, который не построил ничего, но отдал замок Генри де Бьюмонту, который стал первым графом Уорика. Потом замок перешел к его сыну

Роджеру, который не стал возводить стены и башни, а построил госпиталь для прокаженных – тогда подобных госпиталей не хватало (1140-е годы). Наследник Роджера – Вильгельм де Бьюмонт – построил, собственно, дом и крепость. Он погиб в крестовом походе, и Уорик Кастл перешел к его брату Валериану. Тот тоже что-то строил и укреплял стены. Одна из загадок замка относится как раз к временам, когда в Уорик Кастл хозяйничал Валериан. Его права оспаривал какой-то «самозванец», попортивший наследнику немало крови. Кем он был? Неужели Роджер не только молился, но и прижил на стороне сына, который был старше Валериана? Или это действительно был, как тогда шептались, сам Роджер, который вовсе не погиб, но был объявлен погибшим Валерианом, которому не терпелось прибрать замок к рукам? Как бы там ни было, у Валериана был трогательный объект благотворительности: он поддерживал женские монастыри.

Валериан умер, когда его старшему наследнику Генри было всего 12 лет, то есть мальчик не был совершеннолетним. И его отправили на воспитание к Томасу Бассетту, на чьей дочери Филиппе он потом женился. В жизни этого парня было, как минимум, две драмы. Во-первых, пока он был несовершеннолетним и под опекой, его владения в Уэльсе были отданы королем Джоном Вильгельму де Броз, которого именно тогда понадобилось прикормить. Тем не менее, Генри позже возглавлял королевскую армию и поддерживал короля Джона, а вот де Броз пришлось плохо до та-

кой степени, что он бежал во Францию. Во-вторых, передача наследства Генри после того, как он достиг совершеннолетия, не прошла плавно. Что-то там произошло. Скорее всего, роль сыграла первая женитьба Генри де Бьюмонта на некой Маргарет д'Ойли из семейства, особенно агрессивно нажимавшего на короля Джона относительно Хартии Вольностей. Что стало с Маргарет – неизвестно, но вот второй женой Генри стала Филиппа Бассетт, которая для этого разошлась со своим мужем.

Томас де Бьюмонт тоже рано осиротел и тоже получил свои владения со скрипом, после производства в рыцари и женитьбе на дочери незаконного сына короля Генри II – Эле. Если в жизни этого лорда и была какая-то тень, так это независимое состояние Элы, которая предпочитала тратить свои кровные на заботу о своей душе в жизни этой и вечной. Отсутствие детей у этой пары можно списать на пристрастия Элы, но не больше повезло с наследниками и новой хозяйке Уорик Кастл – сестре Томаса – Маргарет. Первым ее мужем стал граф Пемброк, а вторым – Джон дю Плесси, фаворит Генриха III.

Вот эта история – очень темная. Тогда титул графов Пемброка носили представители семьи Маршалл. Один из них был женат на сестре короля – Элеанор. Но семейство рассорилось с королем из-за того, что тот слишком любил своих французских родичей. Кажется, именно муж Маргарет в склоке участия не принимал, но немилость короля не обо-

шла и его. Вот король Генри и отобрал у Маргарет Уорик Кастл, чтобы отдать его Джону дю Плесси. Правда, дав ей возможность получить свое обратно, став женой Джона. Напрасные хлопоты. Детей у пары не было, и Уорик Кастл достался внуку Валериана де Бьюмонта – Вильгельму Модиту.

Это было время баронских войн. Симон де Монфор осадил Уорик Кастл, взял его штурмом и увез графиню Уорик в Кенилворт. Что это было? Симон стал вторым мужем сестры короля после Маршалла. Возможно, он считал, что имеет на замок право. Возможно, он был влюблен в графиню, возможно, просто нуждался в деньгах и знал, что граф свою графиню выкупит за круглую сумму. Так оно и получилось. А вот наследников у этой пары тоже не было. Можно только строить предположения о жизни трех бездетных поколений владельцев Уорик Кастл. Зато потом замок перешел к сестре Модита – Изабель Бьючамп – и, соответственно, к ее сыну. Вильгельм де Бьючамп был близким другом короля Эдварда I, военным до мозга костей и человеком хозяйственным. При нем в Уорик Кастл появились первые окна со стороны реки.

Этот вояка интересен, несомненно, любителям военных подвигов, но здесь он интереснее в качестве отца Изабель де Бьючамп и Гая де Бьючампа. Гай был замешан в истории казни храброго рыцаря Гавестона, побратима короля Эдварда Второго, а Изабель вышла замуж за Хью ле Деспенсера вторым браком. Очевидно, по большой любви, потому что парочка не озаботилась получить на брак королевскую ли-

цензию. Трактовать это можно по-разному. Изабель была богатой наследницей, что делало ее живым вознаграждением любому дворянину, которого хотел отблагодарить король. Стать женой того, чьей женой ей быть хотелось, у Изабель было шансов маловато. Вот она и рискнула. Хью заплатил за своеволие гигантский штраф в 2000 марок. Любовь? Да, но мог быть и расчет. Все-таки приобрел-то он больше, чем потерял. У Изабель и Хью было четверо детей, одним из которых и был Хью Деспенсер Младший.

Что касается десятого графа Уорика, Гая де Бьючампа, то он был в постоянной оппозиции к Эдуарду II. Как ни странно, он умер в своей постели, хотя, возможно, и не по естественным причинам. Поговаривали, что король его отравил за убийство Гавестона. Поэтому граф и заболел и был вынужден уехать в Уорик Кастл, где вскоре умер. Еще одно привидение в замковую коллекцию.

Уорикский замок в Англии

Его сын, Томас де Бьючамп, сделал блестящую карьеру при Идеальном Короле Эдварде III. Герой Кресси и Пуатье – третий, кто стал кавалером ордена Подвязки, он построил в Уорик Кастл две башни, Цезарь Тауэр и Гейтхаус Тауэр. Женат сэр Томас был на дочери Роджера Мортимера, леди Кэтрин. Это был удивительный брак, который много говорит о благородстве и справедливости короля, которому Роджер Мортимер был смертельным и кровным врагом, и о большой любви и преданности, очевидно. Ведь Томаса и Кэтрин поженили совсем крохами, чисто по политическим соображениям. Потом Роджер Мортимер попытался стать королем,

жизнь Эдварда была в опасности, но он победил. Таким образом, у Томаса Бьючампа оказалась очень неудобная политически жена, с которой он бы мог развестись очень легко. Но он и не пытался! А король после женитьбы сделал леди Кэтрин одной из первых дам своей королевы. Даже надгробье графа и графини Уорик, где Томас держит леди Кэтрин за руку, много о них говорит, хотя в Англии оно такое не единственное.

Следующий Томас де Бьючамп, 12-й граф Уорик, снова оказался в оппозиции к королю. Правил тогда Ричард II. Надо сказать, вражда там была действительно не на жизнь, а на смерть, но история повернулась в пользу графа. Англия получила новую династию, и Уорик сохранил и жизнь, и владения. Он построил в замке башню Гай Тауэр (в честь оппозиционера-деда?), и соединил ее стеной с Гейтхаус Тауэр.

Следующий граф Уорик, Ричард де Бьючамп, знаменит, в основном, как распорядитель казни Жанны д'Арк, что нечестно, потому что в жизни у него было куда как больше более благородных приключений. Он был в Святой Земле, откуда возвращался через Восточную Европу и Россию, играл заметную роль в делах великого Генри V, и, в итоге, именно на него была возложена обязанность воспитания Генриха VI. Как показала история, вылепить из имеющегося материала короля даже Уорик не удалось. Но он сделал что мог, превратив робкого плаксу в абсолютно бесстрашного и непоколебимого в своих странностях упрямца. Сын Ричарда,

Генри, прожил всего чуть больше 20 лет, что жаль. Странный король Генрих VI считал его чуть ли не братом и, вероятно, действительно короновал друга королем о-ва Вайтс. Кто знает, как повернулась бы судьба английского королевства, если бы Генри де Бьючамп был при короле. Но Генри умер, и Уорик Кастл отошел к его двухлетней дочери, которая вскоре тоже умерла. И хозяйкой замка стала сестра Генри, Анна де Бьючамп.

Вот на Анне и женился Ричард Невилл, став шестнадцатым графом Уорика, которого все знают под именем Делатель Королей, Кингмейкер. Дурацкое прозвище, абсолютно не соответствующее действительности, хотя и звонкое. Сэр Ричард был умен, талантлив, харизматичен, любим народом и при этом весьма последователен и довольно лоялен. Но он погиб при туманных обстоятельствах, восстав против своего суверена. Что из того, что этот суверен просто напросился на ссору с Уориком... А новым владельцем Уорик Кастл стал зять Кингмейкера, Джордж Плантагенет, герцог Кларенс, личность со всех сторон малосимпатичная. Разве что пожалеть его можно за то, что он сам себе был злейшим врагом. Он был многократным предателем. Сначала он предал брата, потом – тестя, потом чуть не сжил со света сестру жены, не жалел усилий, чтобы аннулировать брак своего брата-герцога, и потом снова стал роптать против брата-короля...

В конце концов, злой язык Джорджа привел его в Тауэр.

Там он и погиб. Или был казнен втихаря. В историю про утопление в бочке с мальвазией верится с трудом, но достоверная биография Кларенса, написанная Джоном Эшдаун-Хиллом, появится в марте 2014 года, и, очевидно, загадка Кларенса будет разрешена. Но как бы там ни было, а Уорик Кастл навсегда останется связанным с трагедиями трех женщин из одной семьи: матери, Анны Бьючамп, которую король Эдвард IV заживо объявит легально мертвой, и Изабель и Анны Невилл, чья юность будет отравлена политическими интригами.

Семнадцатым графом Варвика стал сын Джорджа – Эдвард. Его жизнь была короткой и трагичной. Герцог Глостер, впоследствии король Ричард III, забравший осиротевших племянников к себе, относился к мальчику душевно. Во-первых, потому что он категорически не одобрял братоубийства, и потому, что племянников любили его жена и теща. Но потом случился Босуорт, король Ричард пал в бою, и в Англии воцарилась новая династия, для которой Плантагенеты были угрозой. И беднягу заключили в Тауэр, где и казнили по притяннутому за уши обвинению. А Варвик Кастл стал собственностью короны.

Лидс Кастл и его хозяйки

Лидс Кастл тоже тесно связан со своеобразными женскими судьбами. Более того, женщиной он был спасен от обнищания и запустения. Будущая леди Бейли, американка Оли-

вия Сесилия Пейджет, не только имела деньги, но и была особой с художественным вкусом. Она восстановила замок в его прежнем блеске, да еще и собрала туда средневековую мебель, керамику, гобелены, миниатюры. Все – только лучшее. Благо, в желающих обратить семейные ценности в деньги недостатка не было. Леди Бейли, Оливия, вообще не была пустышкой с деньгами. И во Франции училась, и была медсестрой во время Первой мировой. Титул она не купила – она вышла замуж за настоящего лорда. А деньги завещала фонду, на средства которого Лидс Кастл продолжает процветать.

Лидс Кастл – старый замок, построил его еще Робер де Кревкер в 1119 году, хотя и до него там было поместье. Саксонское, так что норманн де Кревкер просто перестроил его по законам тогдашней моды, монументально и в камне. Наверное, в качестве родового замка – ведь сыновей у него было двое. Замок унаследовал старший, Даниэл, и на этом везение де Кревкеров закончилось. Сын Дэниэла умер раньше отца, а внук, Робер, имел только одного сына, на котором линия и пресеклась. И Лидс Кастл стал в 1278 году королевским замком Эдуарда I, который проводил там довольно много времени со своей женой.

Стать королевским замком было завидной участью. Король построил замку барбакан, подъемный мост, внушительные ворота с подъемной решеткой. И все было прекрасно до самого 1321 года. В Англии тогда правил король Эдуард II, и

Лидс Кастл он подарил своей французской жене, Изабелле, которую история Англии лучше знает под кличкой «французская волчица». Но в любом замке был, конечно, коннетабль, и эту должность в Лидс Кастл занимал некий барон Бартоломью де Балдсмир. Барон Деспенсеров не одобрял, но королю был предан. С Деспенсерами его связал долгом благодарности случай, происшедший с его женой, Маргарет де Клер. В 1319 году дама держала путь в Чесхонт Мэнор, когда на нее напала какая-то банда разбойников, которые взяли ее заложницей и потребовали выкуп в 100 фунтов. Но баронесса провела в плену только одну ночь. Ее спасли, причем спас не кто-нибудь, а Хью Деспенсер Младший, женатый на племяннице жены коннетабля, Элеанор.

Баронесса де Балдсмир была дамой характера взрывного, смесь ирландской и норманнской крови давала о себе знать. Муж без опаски оставлял на нее командование Лидс Кастл, когда уезжал по своим обязанностям в другие замки. И надо же было так случиться, что именно баронесса командовала гарнизоном, когда к воротам замка прибыла королева Изабелла. Это был ее замок, но баронесса королеву впустить в Лидс Кастл отказалась. Причина была проста: между Изабеллой и Деспенсерами, как известно, сердечной дружбы не было, зато баронессе они приходились родственниками. Очевидно, пылкая дама решила разрубить гордиев узел раз и навсегда: сопровождение королевы, конечно, полезло в ворота силой, а баронесса приказала лучникам стрелять —

причем, в королеву. Но... хочешь сделать дело толком, сделай его сам. Лучники королеву застрелить, все-таки, не посмели. Положили шестерых около нее, но не саму Изабеллу.

Неизвестно, что на самом деле думал о происшедшем Эдуард, но Изабелла не только была его женой, но и соправительницей, поэтому отправился король воевать с Лидс Кастл. Пять дней Маргарет держала оборону против королевской армии под обстрелом баллист и сдала замок не раньше, чем король пообещал помиловать всех, в замке находившихся. Конечно, сделать вид, что ничего не произошло, было совершенно невозможно. Маргарет отправили в Тауэр, где она провела ровно год. За это время ее супруг ухитрился примкнуть к партии, разбитой при Бороубридж, и вскоре Маргарет оказалась вдовой, да еще без состояния – состояние изменников отходило к короне. Дорогие родственники Деспенсеры, очевидно, вступились, и баронессу сначала сослали в монастырь под замок (впрочем, на шикарное содержание), а позже и вовсе выпустили. Потом и состояние вернули.

Судьбы средневековых женщин и судьбы замков вообще оказывались связанными очень часто. Николь де ла Хэй была шерифом Линкольна в 1216 году. А до этого успешно защищала замок в 1191 году, и снова – во время баронских войн 1215–1217 годов. Прожила Николь долгую жизнь, около 80 лет. Когда ей было «всего» 65 (в 1215 году), король Джон лично приехал инспектировать оборону замка. Николь вы-

шла к нему навстречу с ключами от замка и попросила снять с нее обузу, потому что возраст уже не тот. Но Джон-то знал по своей матушке, что возраст воинственности не помеха, и ответил ей: «Возлюбленная Николь, я желаю, чтобы вы держали этот замок, пока я не дам другого распоряжения». И она его держала. Пока был жив Джон, и позже, при его сыне Генри.

Что касается матушки короля Джона, Алиеноры Аквитанской, то ее историю знают все. Напомню только об эпизоде, когда ее попытался взять в плен племянник Артур. Престарелая королева легко ушла из ловушки верхом, добралась до первого подвернувшегося замка, и, с ходу организовав его оборону, отбилась от неприятеля. А было старушке тогда под 80 лет.

Эмма, графиня Норфолкская, была женой англосаксонского графа Ральфа де Гвадера. Граф это был не абы какой, а принадлежащий к немногочисленным представителям англосаксонской знати, которые имели достаточно свободы и влияния при норманнах. Земли де Гвадеров находились по обе стороны Ла-Манша. Поскольку ко времени вторжения Вильгельма Завоевателя граф жил в Бретани и был больше связан интересами с норманнами, чем с саксами, он принимал участие в битве при Гастингсе на стороне норманнов. Все шло прекрасно до 1075 года: сэр Ральф храбро отражал набеги датчан, заседал в королевском совете, а после смерти отца получил гигантские владения в Норфолке, Саффолке,

Эссексе и Хертфордшире и титул графа Восточной Англии.

В 1075 году граф де Гвадер женился. Женой его стала дочь Вильгельма Фитц-Осборна, одного из богатейших магнатов Северной Англии. Вскоре после женитьбы де Гвадер поднял мятеж против своего короля. Почему – никто не знает достоверно, потому что есть два взаимоисключающих свидетельства: согласно норманнским хроникам, Эмму в жены де Гвадеру отдал сам король. Согласно легенде о восстании, оно произошло потому, что король отказался подтвердить брак, на который разрешения не давал. Не был этот мятеж и направлен против норманнов, потому что саксы участвовали в его подавлении. Причиной могло быть то, что именно в 1075 Вильгельм Завоеватель отправился воевать с Бретанью, где были владения де Гвадеров. Так или иначе, мятеж начался, и в нем участвовали сам Ральф де Гвадер, брат его жены Роджер Херефордский и некий Вальтеоф Нортумбрийский, сакс-аристократ из Северной Англии. Этот Вальтеоф тоже был настолько близок к королю Вильгельму, что тот отдал за него свою племянницу Джудит. Примкнув к заговору, Вальтеоф быстро раскаялся, рассказал о заговоре епископу Кентерберийскому Лафранку, и тот отправил его в Нормандию вымаливать у короля прощение.

Войска Роджера, пытавшиеся проникнуть в Среднюю Англию, были остановлены на Севере вустерширским ополчением (фирдом), во главе которого стоял Вульфстан, последний англосаксонский епископ Вустера. Против отрядов

Ральфа выступили крупные воинские соединения ближайших соратников короля Вильгельма, которым было доверено управление Англией в отсутствие последнего, – Одо, епископа Байе, и Жоффруа, епископа Кутанса. У Кембриджа войска епископов отбросили отряды Ральфа, который отступил к Норичу, откуда отправился к тем самым датчанам, с которыми раньше воевал, за помощью. Датчанам было не до него, они делили наследство.

Как ни парадоксально звучит, единственное серьезное сопротивление силам епископов оказала юная жена Ральфа де Гвадера. В 1075 году ей было 16 лет. Поскольку муж ее, по сути, бежал в Данию, Эмма осталась защищать себя и Норичский замок сама. Делала она это настолько успешно, что королевские силы предпочли с ней договориться о том, что она сдаст замок при условии, что и она сама, и ее войско свободно уйдет из замка, и в течение 40 дней покинет страну. Эмма Норфолкская со своим отрядом отбыла в Бретань, где позже и встретилась с мужем. В Бретани Ральф не успокоился, продолжая ссориться и мириться с герцогами и королями, но в 1095 он и Эмма отбыли в Палестину с Робертом Куртгезом. Они завоевывали Сирию и осаждали Nikeю, и погибли оба около 1096-го года, сражаясь в составе антиохской армии.

О собачках при средневековых леди

В Лидс Кастл есть любопытнейший музей средневековых

собачьих ошейников, в котором собрано около ста экземпляров. Все они были подарены супругой историка – специалистом по Средним векам Джона Ханта, Гертрудой.

Разумеется, не может не возникнуть закономерный вопрос: каких же размеров были собачки, которые в таких ошейниках красовались? Все началось с охоты. Норманны были страстными охотниками, лесов и дичи в Англии хватало, а рачительный Вильгельм Завоеватель позаботился о том, чтобы все так и оставалось, лесные парки короли Англии хранили ревностнее, чем собственную казну. О том, как полезна собака при охоте, много распространяться не стоит – это очевидно. Так же, как очевидно и то, что наибольшей популярностью в средневековой Англии пользовались борзые (грейхаунды). Собачки, кстати, размеров весьма впечатляющих.

У борзых есть свои достоинства и недостатки. Нюх, скорость, свирепость к добыче и кротость к хозяину – это плюсы. Ограниченный запас сил, из-за которого борзых можно было спускать только тогда, когда дичь уже можно было видеть – это минус.

Аланты были куда сильнее, выносливее, да и мощнее. Эти собаки напоминали кавказских овчарок, и их можно было использовать как охранников. Скорее всего, они уже были в Англии к моменту завоевания (их, во всяком случае, точно завозили на остров римляне – 5 500 голов). Их сила позволяла использовать алантов в охоте на медведя или вепря.

Проблема этих псов была в их свирепости. Неизвестно, как они на своей исторической родине стада охраняли, но их английская ветвь пала жертвой отбора. Очевидно, разводя только злюк, люди как-то не подумали, что результатом станет мощная зверюга, нападающая на все вокруг, от домашних животных до хозяина. Ничего удивительного, что эти хищники вымерли.

Мастиффы тоже были известны еще у римлян. Их тоже могли использовать в охоте на крупную дичь, но вообще их разводили как боевых псов и псов-охранников. Во всяком случае, в битве при Айзенкуре мастифф защищал раненого хозяина много часов и потом с триумфом вернулся на родину. Вместе с хозяином, живым и почти здоровым.

Из пород, способных вынюхивать добычу, популярны были гончие: мелковатые running-hound (типа современных фоксхаундов) и более крупные, лэймеры (предки бладхаундов). Вот эти собаки очень ценились за умение молчать до часа Х. Они могли абсолютно молча выследить добычу и привести к ней хозяев. Но игрушками они не были. Когда дело доходило до экшена, от команды этих псов даже крупного зверя не спасали быстрые ноги и крепкие копыта. Конечно, были терьеры – как же без них, охотников на крыс. Были харьеры. Мода на них пошла с 1260 года, когда сэр Элиас де Мидхоуп продемонстрировал свои экземпляры соседям во время охоты. И, наконец, спаниели, тоже серьезные собаки, появившиеся на острове вместе с кельтами. Или с римляна-

ми. Или с крестоносцами. Есть разные теории, и у каждой есть свои адепты.

О том, что прекрасной даме иногда приходилось быть и храбрым рыцарем

Вообще, говоря о женщинах в Средневековье, невозможно обойти стороной жгучий вопрос о том, могла ли женщина быть рыцарем. Не просто защищать свое имущество и своих людей с оружием в руках, но быть формально членом рыцарского ордена? Могла. Поскольку большинство рыцарских орденов были организациями международными, покинем на время чисто английскую территорию.

Дамы-рыцари. Из манускрипта «Странствующий рыцарь», 1400 год

В 1148 году Тортоза была сарацинской крепостью, которая контролировала морскую торговлю, а точнее, сильно ей мешала. Мешала настолько, что ее взяли штурмом соединенные силы англичан, французов и тамплиеров Англии, Франции и Испании, которые были собраны для участия во Втором крестовом. Руководил ими граф Барселоны Раймунд (Рамон) Беренгер IV. Потом начались проблемы. Поскольку поход был неудачен, начались внутренние распри, поиски виновных, и сарадины решили этим воспользоваться.

В 1149 году они атаковали крепость и город, и отражать эту атаку пришлось женщинам, потому что мужчины были заняты осадой Лериды. Это было потрясюще, потому что женщины благополучно отбились не от какого-то отряда мародеров, а от регулярных войск, и отнюдь не швыряясь камнями, а сражаясь в мужских доспехах. Когда подошли силы графа Раймунда, дело уже было сделано, и графу осталось только отблагодарить женщин Тортозы за доблесть, что он и сделал. Он основал для них рыцарский орден, который назывался *orden de la Nacha*, Орден Топора, *the Orde de l'Atxa* (основным оружием сражавшихся прекрасных дам был боевой топор). Замужним женщинам были даны одинаковые рыцарские права с их мужьями, незамужним – с их отцами и братьями. Это был боевой рыцарский женский орден, опо-

знавательным знаком которого было изображение красного топора на тунике.

Удивительно мало пишут об этом событии, поэтому многие о женщинах-рыцарях просто никогда не слышали. Членов ордена называли *Cavalleras*, *Equitissae* и *Militissae*. Для них был учреждена форма, напоминавшая форму капуцинов, они были освобождены от налогов, они получили право участвовать в тех же сборах, что и мужчины, сидеть выше их и передавать рыцарский титул по женской линии. Известно, что в 1472 году, при осаде бургундцами Бове, атака была отбита под руководством Жанны Аше, члена Ордена Топора. Орден никогда не был расформирован, и предполагается, что он исчез сам по себе, со смертью последней женщины-рыцаря. Если исчез.

У Ордера Рыцарей Святой Марии было несколько наименований: *The Order of the Blessed Virgin Mary*, *the Order of Saint Mary of the Tower* и *the Order of the Knights of the Mother of God*. Этот орден тоже был военным, но не был чисто женским. Основан он был Лодериго д'Андало в 1233 году в Болонье, и, несмотря на то что являлся орденом религиозным, принимал в свои ряды и женщин. Папа одобрил устав ордена, задачи которого были обозначены следующим образом: «...членам ордена дозволяется носить оружие для защиты католической веры и религиозной свободы, и они должны это делать по специальному призыву римской церкви. Для подавления гражданских волнений они могут

иметь только оружие, предназначенное для защиты, и только по разрешению епископа». Женщины в этом ордене носили звание *militissa*. Орден был предназначен для успокоения стычек между гвельфами и гибеллинами, в чем достиг довольно скромных успехов, и был распущен в 1558 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.